Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 4 (51)

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-51-4-3

А.В. Епимахов [a, b], А.Д. Таиров [b], М.Г. Епимахова [b]

[a] Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620108
[b] Южно-Уральский государственный университет
просп. Ленина, 76, Челябинск, 454080
E-mail: epimakhovav@susu.ru (Епимахов А.В.); tairov55@mail.ru (Таиров А.Д.);
epimakhovamg@susu.ru (Епимахова М.Г.)

КУЛЬТУРНАЯ АТРИБУЦИЯ vs РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА БРОНЗОВОГО ВЕКА ШАТМАНТАМАК I)

Представлены результаты раскопок могильника Шатмантамак I, сочетающего черты срубной и алакульской культур позднего бронзового века. Проведены радиоуглеродное датирование и анализ изотопов азота и углерода. Установлено, что на протяжении длительного периода погребения сочетали черты разных культурных традиций. Несмотря на различия в хронологии и облике культуры, выявлена высокая стабильность системы питания. Вероятно, культурная мозаичность возникла не вследствие взаимодействия разнокультурных групп, а в результате их длительного совместного существования на небольшой территории.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, алакульская культура, радиоуглеродное датирование, стабильные изотопы.

Инструментами первичной группировки археологических материалов на протяжении многих лет неизменно являются культурная принадлежность, пространство и время. Их соотношение для разных периодов и территорий существенно варьируется, но в случае бесписьменных обществ часто не имеет альтернативы. Не является исключением бронзовый век северной части Евразии. Заявленный тезис никак не отрицает возможности и необходимости привлечения максимально широкого спектра данных (физическая антропология, генетика, анализ стабильных изотопов и пр.), но заключения по ним в той или иной степени накладываются на «каркас», в основе которого упомянутые пространство, время и культурная традиция. Первое дано нам объективно, второе определяется с разной степенью точности и в разных системах. Что касается культурных стереотипов, то представления о них формируются на базе черт, доступных прямому изучению и интуитивно ранжируемых по степени важности. Последнее отчасти связано с опосредованностью влияния надежно реконструируемых факторов: доступных ресурсов, технологий и др. Диагностирование этих факторов лишь сужает круг возможных интерпретаций, практически никогда не сводя их к единственно возможному варианту.

Ситуации, когда группировки по культурным признакам приходят в противоречие с построениями по иным основаниям, не так уж редки. Первое, что подвергается сомнению,— точность хронологических определений. В случаях, когда речь идет, например, о радиоизотопных методах датирования, заметную роль могут играть неконтролируемые факторы, либо их диагностирование требует дополнительных исследований [Bronk Ramsey, 2008]. К сожалению, такого рода проверки не самая частая практика в российской археологии, что порождает скепсис исследователей по поводу надежности метода или стимулирует подбор «удобных» значений. Цель данной работы — обратить внимание специалистов, изучающих памятники бронзового века, на возможности иной интерпретации хорошо знакомых материалов при изменении системы приоритетов в паре «культурная традиция — хронология» на примере могильника Шатмантамак I.

Результаты полевых исследований

Памятник расположен в степной зоне в 1 км к юго-юго-востоку от южной окраины с. Шатмантамак Миякинского района Республики Башкортостан, в 850 м ЮЮЗ устья безымянного ручья, впадающего слева в р. Уязы (правый приток р. Дема). Высота от уреза воды в реке — около 36 м (рис. 1). Могильник насчитывал четыре насыпи, сильно снивелированные распашкой. На поверхности двух сохранились следы каменной обкладки. Размеры сооружений варьировались в зависимости от сохранности: диаметр — до 32 м, высота — до 0,6 м.

Рис. 1. Могильник Шатмантамак I. Место расположения.
Fig. 1. Shatmantamak I burial ground. Location.

За два сезона 2015–2016 гг. были исследованы три кургана с весьма сложной историей формирования. Сохранность распаханных надмогильных сооружений, к тому же подвергшихся ограблениям, оставила мало шансов на стратиграфические заключения в отношении комплексов эпохи бронзы. Ясно лишь, что во всех случаях каменные конструкции относятся к поздним периодам функционирования площадки (РЖВ и средневековье).

Курган 1 (28 м диаметром, 0,5 м высотой) содержал центральное захоронение на уровне древнего горизонта, перекрытое деревянной конструкцией. Особенности обрядовой практики реконструируются с серьезными оговорками: видимо, в числе похороненных индивидов были взрослый и подросток[1]. Их сильно фрагментированные кости обнаружены при разборке тела насыпи. Отдельные детали позволяют предполагать наличие невысокого наземного сруба с перекрытием. В составе находок фрагменты пяти керамических сосудов (рис. 2, *1–4, 6, 7*) и кости животных. Причинами плачевного состояния погребального сооружения стали «грабительский» вкоп, деятельность норных животных, а также совершение впускного погребения (м.я. 2), относящегося к переходному периоду от бронзового века к железному [Епимахов, Таиров, 2020]. Не исключено, что история кургана была сложнее. Вторжение (или даже несколько), видимо, состоялось еще до сооружения каменного панциря, соотношение которого с могильной ямой 2 установить не удалось. Керамические изделия из насыпи представлены частями баночных и горшечных форм, имеющих по совокупности признаков срубную культурную атрибуцию.

Курган 2, несмотря на более внушительные в сравнении с остальными размеры (32 м диаметром и 0,6 м высотой), содержал лишь два захоронения: центральное с деревянными конструкциями, совершенное на уровне горизонта, и могильную яму 1, прорезающую насыпь. Яма оказалась довольно глубокой (1 м от уровня материка). В первом случае кости мужчины (35–45 лет) оказались смещены относительно первоначального положения, тем не менее по оставшимся в сочленении можно предполагать положение на левом боку с ориентировкой в северо-западном секторе. Вторжение в наземную погребальную камеру было неоднократным, первое — еще до заполнения ее грунтом. Покойный сопровождался керамическим сосудом.

Второе погребение (м.я. 1) весьма специфично, хотя выглядит как традиционное захоронение с ориентировкой в северном секторе (рис. 3). Сомнения связаны с нестандартным положением основных костей, которое предполагает, что умершему (мужчина 35–45 лет) была придана поза сидящего человека: ноги согнуты в коленях и прижаты к груди, пятки у ягодиц; руки согнуты в локтях и прижаты к груди; голова обращена лицом вперед. В этом положении тело было зафиксировано устроителями обряда, дальнейшее разложение мягких тканей происходило в свободном пространстве[2]. Последнее отчасти подтверждено следами поперечного деревянного

[1] Определения А.Х. Гильметдиновой (Центр палеоэтнологических исследований).
[2] Заключение Д.И. Ражева (Тюменский научный центр СО РАН).

перекрытия, глубина ямы тоже не противоречит такому заключению. В южной части на дне прослежено пятно тлена, вероятно, от циновки. Инвентарь представлен единственным сосудом и миниатюрным костяным навершием (близ локтевого сустава левой руки).

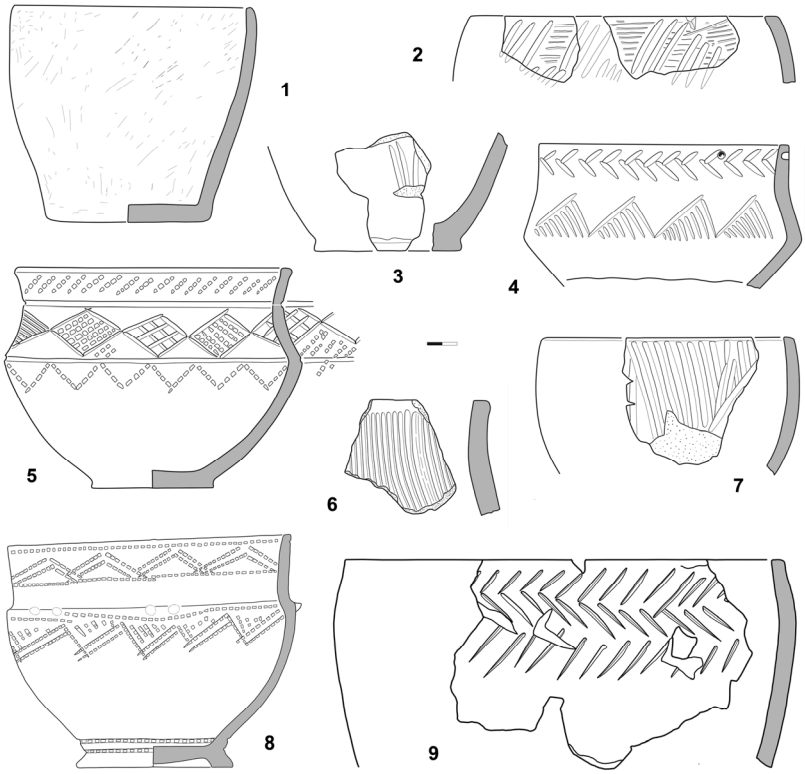
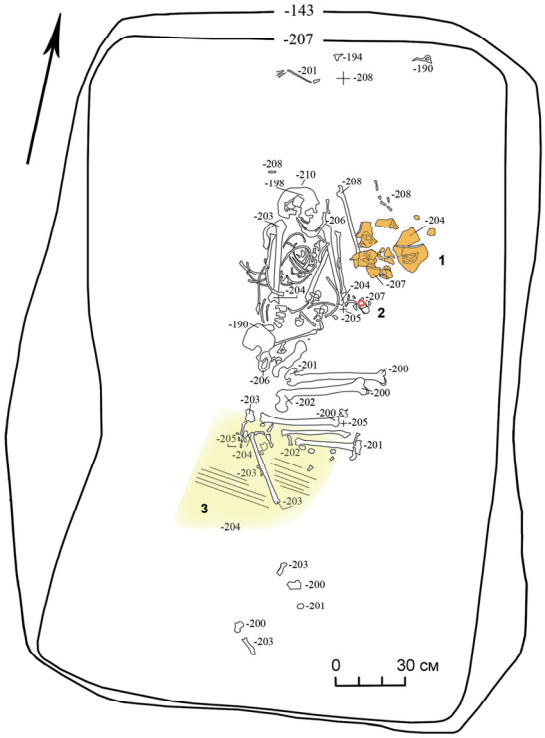


Рис. 2. Могильник Шатмантамак I. Комплекс керамики:
1–4, 6, 7 — курган 1, насыпь; *5* — курган 2, центральное погребение; *8* — курган 2, могильная яма 1; *9* — курган 2, насыпь.
Fig. 2. Shatmantamak I burial ground. Ceramics:
1–4, 6, 7 — kurgan 1, mound construction; *5* — kurgan 2, central pit-grave; *8* — kurgan 2, pit-grave 1;
9 — kurgan 2, mound construction.

Керамическая коллекция погребений кургана 2 (рис. 2, *5, 8*; 5, *1*) не соответствует срубным стереотипам ни в части морфологии (горшок с уступчатым плечом), ни в способе орнаментации, включая использование рельефных элементов (парных «шишечек»). Подчеркнем также высокое качество обработки поверхности. Крупный баночный сосуд из насыпи (рис. 2, *9*) отличается способом обработки поверхности (заглаживание щепой) и минимализмом орнаментации (горизонтальная «елочка», нанесенная отпечатками штампа).

Курган 3 — внешне наиболее миниатюрный (диаметр около 10 м) — оказался местом сооружения не менее чем трех могильных ям, относящихся к бронзовому веку[3]. Кроме этих сооружений, расположенных на южной периферии насыпи, видимо, была и наземная деревянная погребальная конструкция в центре, утраченная в результате поздних захоронений и действия других факторов. Ее наличие подтверждается лишь разрозненными находками керамики и отдельных костей при разборке надмогильного сооружения. Три могильные ямы имели небольшую глубину, подпрямоугольную форму и были местом упокоения четырех индивидов: женщины (25–25 лет), мужчины (30–40 лет) (м.я. 2 и 3) и двух детей (4 года ± 12 месяцев) в одном погребальном пространстве (м.я. 4) (рис. 4). Взрослые погребения потревожены, но позволяют реконструировать положение покойных скорченно на боку: левом (женщина и дети) или правом (мужчина). Ориентировки варьируются в широком диапазоне: В–СВ, С–СВ и С–СЗ.

[3] Кроме них были изучены более поздние, кочевнические погребения в центральной части, с которыми связана каменная конструкция.



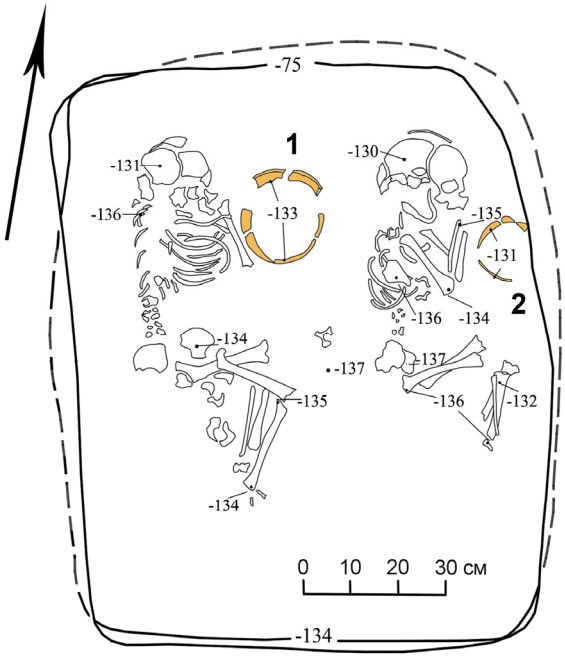


Рис. 3. Могильник Шатмантамак I. Курган 2. Могильная яма 1:
1 — сосуд; *2* — костяное навершие; *3* — органический тлен.
Fig. 3. Shatmantamak I burial ground. Kurgan 2. Pit-grave 1:
1 — vessel; *2* — bone pommel; *3* — organic ashes.

Рис. 4. Могильник Шатмантамак I. Курган 3. Могильная яма 4:
1, 2 — сосуды 1 и 2.
Fig. 4. Shatmantamak I burial ground. Kurgan 3. Pit-grave 4:
1, 2 — ceramic vessels #1 and #2.

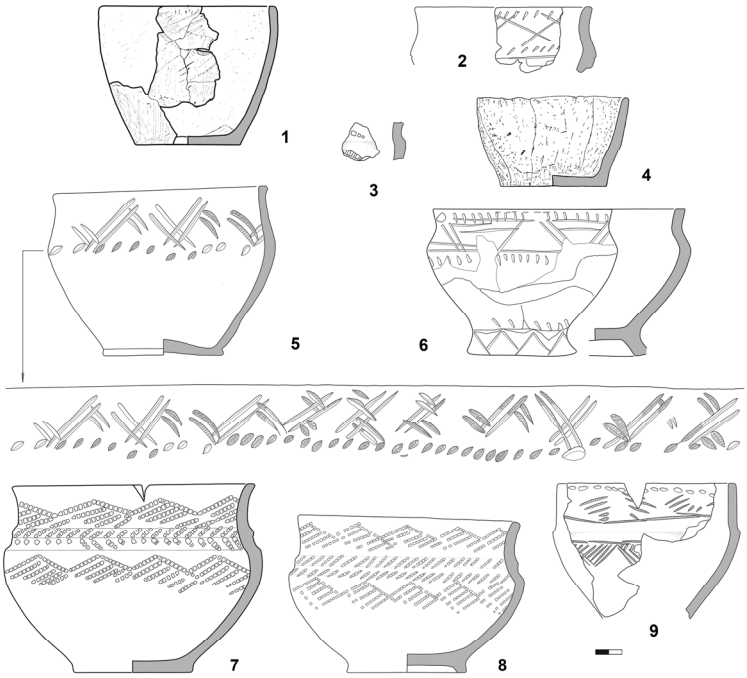


Рис. 5. Могильник Шатмантамак I. Курган 3. Комплекс керамики:
1, 5 — м.я. 2; *2, 3, 9* – насыпь; *4, 6* — м.я. 4; *7, 8* — м.я. 3.
Fig. 5. Shatmantamak I burial ground. Kurgan 3. Ceramics:
1, 5 — pit-grave 2; *2, 3, 9* — mound construction; *4, 6* — pit-grave 4; *7, 8* — pit-grave 3.

Погребальный инвентарь представлен исключительно керамической посудой (рис. 5; 6, *3–6*), разнородной по форме, качеству изготовления, орнаментации и способам обработки поверхности. Наряду с двумя простыми баночными сосудами без орнамента обнаружены кубковидный сосуд, горшок с нециклическим орнаментом и два изделия, достойные отдельного упоминания. Оба происходят из мужского захоронения и производят впечатление изготовленных одним мастером. Горшки с уступчатым плечом и валиком на шейке отличаются высоким качеством исполнения и орнаментации, близкими размерами (рис. 6, *3, 4*). Различия связаны с наличием/отсутствием поддона и орнаментацией валика.

Рис. 6. Могильник Шатмантамак I. Погребальный инвентарь:
1, 2 — курган 2, м.я. 1; *3, 4* — курган 3, м.я. 3; *5* — курган 3, м.я. 4; *6* — курган 3, м.я. 2:
1, 3–6 — керамические сосуды, *2* — костяное навершие.
Fig. 6. Shatmantamak I burial ground. Grave goods:
1, 2 — kurgan 2, pit-grave 1; *3, 4* — kurgan 3, pit-grave 3; *5* — kurgan 3, pit-grave 4; *6* — kurgan 3, pit-grave 2:
1, 3–6 — ceramic vessels; *2* — bone pommel.

Несмотря на существенную разницу в размерах, курганы объединяют некоторые черты. Наиболее ранними были центральные захоронения бронзового века на уровне древнего горизонта, сильно пострадавшие от поздних захоронений и вторжений. О материальной культуре центральных объектов приходится говорить осторожно, так как невозможно сколь-нибудь строго ассоциировать с ними находки керамики в насыпи. В отношении могильных ям объединяющими моментами была прямоугольная форма, сравнительно небольшие размеры и глубина. Исключением стало «сидячее» погребение. Почти все (за вычетом детской могилы) содержали индивидуальные захоронения взрослых индивидов (Adultus и Maturus I) в положении скорченно на боку (обычно левом). Есть некоторые расхождения в ориентировке покойных в пределах северного сектора горизонта.

Значительно менее однороден керамический комплекс. Объединяет серию визуально зафиксированная примесь шамота в глиняном тесте, практически обязательное наличие ребра или уступа при переходе к тулову горшечных форм, насыщенность орнаментом всех зон за ис-

ключением придонной части. В технике орнаментации мастера отдавали предпочтение гребенчатым и гладким штампам, в меньшей степени вдавлениям и прочерчиванию. Перечисленные признаки в большей степени соответствуют алакульской традиции и родственным ей. Часть коллекции имеет срубные черты (асимметрия форм, штриховое оформление поверхности и нерегулярная орнаментация). Широкое сочетание алакульских и срубных черт в погребальных памятниках по обе стороны южной части Уральских гор многократно анализировалось исследователями, в том числе для территориально близких рассматриваемому могильнику объектов.

Результаты радиоуглеродного датирования

Радиоуглеродная хронология могильника обеспечена пятью AMS-анализами (табл. 1), выполненными в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного датирования и электронной микроскопии» Института географии РАН и центре прикладных изотопных исследований Университета Джорджии (США). Материал для датирования — коллаген, выделенный из костей человека. Анализ проведен в рамках ускорительных технологий (AMS) с определением количества коллагена, соотношения изотопов азота и углерода. Калибровка проведена в программе OxCal 4.3.2 [Bronk Ramsey, 2017], калибровочная кривая IntCal13 для северного полушария [Reimer et al., 2013].

Курганный могильник Шатмантамак I. Результаты радиоуглеродного датирования (шифр лаборатории — $IGAN_{AMS}$)

Shatmantamak I burial ground. Results of radiocarbon dating (laboratory code — $IGAN_{AMS}$)

Курган / мог. яма	Шифр даты	Coll., %	C/N_{at}	$\delta^{15}N$, ‰	$\delta^{13}C$, ‰	^{14}C л.н.	Калибровка — до н.э. 1-sigma (2-sigma)
1/2	7054	12,10	3,21	10,45	-17,69	2615 ± 20	806–794 (817–786) Медиана: 801
2/1	7050	5,64	3,22	8,70	-19,40	3575 ± 25	1950–1890 (2020–1830) Медиана: 1926
3/2	7051	10,01	3,23	8,91	-19,16	3520 ± 20	1892–1777 (1914–1770) Медиана: 1832
3/3	7052	11,01	3,21	8,87	-19,25	3460 ± 20	1870–1700 (1879–1694) Медиана: 1773
3/4	7053	10,05	3,21	9,21	-19,37	3400 ± 20	1738–1665 (1746–1640) Медиана: 1696

Интерпретируя результаты, следует оговориться, что соотношение стабильных изотопов азота и углерода не демонстрирует ярких отклонений, обычно провоцируемых рыбной диетой [Hanks et al., 2018; Shishlina et al., 2012; и др.]. Следовательно, резервуарный эффект можно не учитывать как искажающий фактор. Далее мы обсуждаем только датировки курганов 2 и 3, для которых есть культурно диагностируемые материалы эпохи поздней бронзы. Серия дат выглядит неоднородной, хотя и не выходит за рамки ожидаемых значений. Результаты калибровки равномерно распределены в интервале XX–XVII вв. до н.э.

Интерпретация полученных данных

В дальнейшем рассмотрении мы будем исходить не из логики культурной группировки материалов, а из их хронологической последовательности, установленной по итогам радиоуглеродного датирования. Соотнесение результатов датирования с конкретными комплексами позволяет утверждать, что курган 2 был воздвигнут раньше сооружения периферийных захоронений в кургане 3, для которых можно предполагать последовательное совершение ритуала, правда, не подтвержденное стратиграфией.

Как уже отмечено, в случае с захоронением в могильной яме 1 кургана 2 мы имеем дело с нестандартным погребением: приданная покойному поза скорее характерна для других культурных групп предшествующего периода [Богданов, 2004, рис. 30]. Инвентарь погребения также не слишком проясняет вопрос культурной принадлежности. В одном случае (костяное навершие (рис. 6, *2*)) мы имеем дело с кросскультурной категорией находок, в другом (сосуд) — с артефактом, сочетающим черты разных традиций (синташтинской и алакульской). Этому в целом не противоречит и радиоуглеродная дата, хотя предуральская часть синташтинской серии не лишена противоречий, а большинство ее значений формально старше [Ткачев, 2020; Епимахов, 2020]. Нельзя назвать завершенной и дискуссию о хронологии алакульских древностей [Григорьев, 2016]. Что касается раннесрубных памятников (как и собственно срубных), то и для них уральская серия пока детально не проанализирована. Ясно лишь, что в каждой из выборок есть отдельные значения очень близкие Шатмантамаку [Моргунова, 2009, с. 40; Моргунова, 2010, с. 76; Щербаков, 2017, с. 79 и др.], которые требуют пристального внимания и дополнительной проверки.

Вторая ранняя дата происходит из нарушенного погребения (курган 3, м.я. 2) с несколько необычной для локальной традиции позднего бронзового века ориентировкой ямы и скелета (В–СВ). Впрочем, подобные примеры, хотя и немногочисленные, можно отыскать среди срубных древностей.

Посуда близка срубным стереотипам в части штриховой обработки поверхности, нециклического орнамента и пр. По сути, два комплекса объединяют лишь относительно ранние радиоуглеродные даты.

Оставшиеся комплексы также не идентичны ни по датам, ни по обрядовым чертам (за вычетом ориентировки в северном секторе), ни по облику инвентаря (на противоположных концах «спектра» — типичные алакульские и типичные срубные формы). Третья дата относится к погребению с типичными алакульскими сосудами (курган 3, м.я. 3) и правобочным положением погребенного (рис. 6, *3, 4*), ориентированного головой на С–СВ. Самое позднее значение относится к двойному детскому (курган 3, м.я. 4) погребению, в котором северная ориентировка покойных сочеталась с синкретическим горшком на поддоне и банкой.

Еще один аспект необходимо акцентировать. Приведенные данные по стабильным изотопам четырех погребений поздней бронзы очень близки между собой и достоверно отличны от погребения времени перехода к РЖВ (курган 1, м.я. 2). Изотопные данные до некоторой степени контрастируют с результатами датирования — получается, что диета этих хронологически разных индивидов (включая детей) была почти идентична. Сравнение с зауральскими материалами [Hanks et al., 2018] указывает на расхождения в части заниженных значений изотопов азота и, как следствие,— соотношения углерода и азота. Интересно, что предыдущий опыт изучения изотопов для территориально и хронологически близкого могильника Казбуруновский I в Предуралье [Щербаков, 2017, с. 77] продемонстрировал значения почти идентичные зауральским, а не шатмантамакским. Уточнение причин этого обстоятельства — дело будущего. Пока же эту часть аналитических данных по Шатмантамаку можно трактовать как высокую степень стабильности системы жизнеобеспечения, которая базировалась на продукции животноводства. При этом различия в культурных традициях (в данном случае мы опираемся в основном на навыки производства посуды, в меньшей степени — на погребальную обрядность) никак на систему питания не влияли. Либо эти различия не улавливаются методами анализа стабильных изотопов, диагностирующими накопленный итог за длительный период жизни организма.

Обсуждение и выводы

Таким образом, часть погребений с заметно разной хронологией содержала посуду с алакульскими чертами либо типично алакульскую. Вне контекста (местонахождение памятника в Предуралье в бассейне р. Дема, северные ориентировки большинства покойных) культурная атрибуция коллекции (за вычетом нескольких сосудов, в основном баночных) не вызывала бы особых разногласий. Черты погребальной обрядности (использование наземных деревянных сооружений, ориентировка, положение покойных и пр.) находят аналогии по обе стороны Урала, хотя чаще ассоциируются со срубной традицией (включая синкретические комплексы) [Купцова, 2016]. Впрочем, даже для значительной части Зауралья ориентировка в северных румбах является преобладающей для разных культурных групп [Алаева, 2015].

Памятники такого рода чаще всего включают в разряд синкретических, т.е. сочетающих в разных пропорциях черты двух культурных традиций [Рутто, 2003; и др.]. Подспудно предполагается их некое противопоставление. Исключение из такой интерпретации — мнение Е.Н. Черных о «синдроме культурной непрерывности» в отношении памятников бронзового века Северной Евразии [2008]. Срубно-алакульская зона взаимопроникновения — один из наиболее ярких примеров в этом ряду. Действительно, за вычетом некоторых признаков погребальной обрядности, типов украшений и погребальной керамики черт сходства наберется весьма солидное количество[4], а обнаружение алакульских признаков и артефактов в срубном ареале отнюдь не экзотика [Купцова, Мухаметдинов, 2017; и др.], как и в противоположном направлении.

В нашем случае серийное датирование позволяет предложить гипотетический сценарий формирования памятника. Во-первых, следует отметить, что при очень скромном числе захоронений площадка продолжала функционировать достаточно долго. При этом нельзя сказать, что она представляет собой некий природный объект с приметными свойствами, привлекавшими население разных периодов (рис. 1). Во-вторых, разнообразие обрядовых черт и материальной культуры формально указывает на носителей разных традиций, которые, тем не менее, стабильно существовали в этом локусе на протяжении длительного отрезка времени, используя идентичную систему питания. Контраст между этой стабильностью и культурной мозаичностью

[4] В данном случае мы вынужденно обсуждаем только погребальные памятники, так как материалы поселений редко дают возможность разграничить традиции.

заставляет думать не только о низкой мобильности, но и о сосуществовании разных культурных традиций в едином пространстве или даже коллективе.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке государственного задания Минобрнауки Российской Федерации, проект № FENU-2020-0021.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Алаева И.П. Культурная специфика памятников позднего бронзового века степной зоны Южного Зауралья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2015. 22 с.

Купцова Л.В. Срубная культура Оренбургского Предуралья (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. … канд. ист. наук. СПб., 2016. 21 с.

Литература

Богданов С.В. Эпоха меди степного Приуралья. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 287 с.

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 44–53. DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-044-053.

Епимахов А.В. Радиоуглеродные аргументы абашевского происхождения синташтинских традиций бронзового века // УИВ. 2020. № 4 (69). С. 55–64. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-4(69).

Епимахов А.В., Таиров А.Д. Между бронзовым веком и железным (могильник Шатмантамак I в Башкортостане) // Поволжская археология. 2020. № 3 (33) С. 171–180. https://doi.org/10.24852/pa2020.3.33.171.180.

Купцова Л.В., Мухаметдинов В.И. Особенности срубно-андроновского взаимодействия на территории степного Приуралья (по материалам погребальных памятников) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (22). С. 128–149.

Моргунова Н.Л. (ред.). Лабазовский курганный могильник срубной культуры. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2009. 98 с.

Моргунова Н.Л. (ред.). Сквоцовский курганный могильник. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2010. 160 с.

Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале. Уфа: Гилем, 2003. 212 с.

Ткачев В.В. Процессы культурогенеза на западной периферии алакульского ареала // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 429–442.

Ткачев В.В. Радиоуглеродная хронология памятников синташтинской культуры в степном Приуралье // РА. 2020. № 2. С. 31–44. DOI: 10.31857/S086960630009071-7.

Черных Е.Н. Формирование евразийского «степного пояса» скотоводческих культур: Взгляд сквозь призму археометаллургии и радиоуглеродной хронологии // Археология, этнографии и антропологии. 2008. № 3 (35). С. 36–53. DOI: https://doi.org/10.1016/j.aeae.2008.11.003.

Щербаков Н.Б. (ред.). Казбуруновский археологический микрорайон позднего бронзового века Южного Приуралья: Результаты естественнонаучных исследований. Уфа: Инеш, 2017. 164 с.

Bronk Ramsey C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. // Radiocarbon. 2017. № 6 (59). P. 1809–1833. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2017.108.

Bronk Ramsey C. Radiocarbon dating: revolutions in understanding // Archaeometry. № 2 (50). 2008. P. 249–275. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00394.x.

Hanks B.K., Ventresca Miller A., Judd M. et al. Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC) // Journal of Archaeological Science. 2018. Vol. 97. P. 14–25. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.06.006.

Reimer P., Bard E., Bayliss A., Beck J., Blackwell P., Ramsey C., Buck C., Cheng H., Edwards R., Friedrich M. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. 2013. № 4. P. 1869–1887. DOI: https://doi.org/10.2458/azu_js_rc.55.16947.

Shishlina N., Zazovskaya E., van der Plicht J. et al. Isotopes, plants, and reservoir effects: Case study from the Caspian steppe Bronze Age // Radiocarbon. 2012. № 3–4 (54). P. 749–760. DOI: https://doi.org/10.1017/S0033822200047408.

A.V. Epimakhov [a, b], A.D. Tairov [b], M.G. Epimakhova [b]

[a] Institute of History and Archaeology of Ural Branch RAS
S. Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620108, Russian Federation
[b] South Ural State University
prosp. Lenina, 76, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
E-mail: epimakhovav@susu.ru (Epimakhov A.V.); tairov55@mail.ru (Tairov A.D.);
epimakhovamg@susu.ru (Epimakhova M.G.)

Cultural attribution vs radiocarbon chronology (on the example of materials from the Bronze Age burial ground of Shatmantamak I)

The article presents the results of excavations at the Shatmantamak I burial ground located in steppe zone of the Southern Urals (south-west of the Republic of Bashkortostan, Russia). The materials of the site combine the features of the Late Bronze Age Srubnaya and Alakul archaeological cultures dated to the first half of the

2nd mil. cal BC. With this work, we aimed to test the interpretation possibilities for the obtained materials, proceeding from their chronological sequence, rather than cultural attribution. Three mounds comprising seven burial structures of the Bronze Age (three above ground and four burial pits) have been excavated. The main procedure of treating the dead was inhumation on the left side (with the single exception on the right side) with their heads orientated towards the northern sector with deviations to the east. All graves contained single adult individuals, except one with the skeletons of two children. One of the burials is clearly distinctive, with the deceased set in sitting position. The grave goods included ceramic vessels and a single bone pommel. A series of radiocarbon dates (n = 4), stable nitrogen and carbon isotope analysis, along with the analysis of the context, allowed us to propose the scenario of utilisation of the site in the Bronze Age. The sequence of building of kurgans and individual burials has been determined. For a long period (20th–17th c. cal BC), they combined features of the Alakul and Srubnaya cultural traditions within the same cemetery, or even mound. Syncretic sites represent a typical phenomenon for the Late Bronze Age of the Southern Urals and adjacent territories. Despite the differences in the chronology and cultural features (pottery and funeral rite) of the Shatmantamak I burial ground, a high stability of the nutrition system has been revealed, which was based on the products of complex husbandry. This brings us to the assumption that the identified cultural mosaicism was determined not by the mobility and interaction of groups with different traditions, but by their joint or parallel habitation in a specific area.

Key words: Late Bronze Age, Srubnaya Culture, Alakul Culture, radiocarbon dating, stable isotopes.

REFERENCES

Bogdanov S.V. (2004). *The Copper Epoch in the Urals steppe*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (Rus.).

Bronk Ramsey C. (2008). Radiocarbon dating: revolutions in understanding. *Archaeometry*, (2), 249–275. DOI: https://doi.org/10.1111/j.1475-4754.2008.00394.x.

Bronk Ramsey C. (2017). Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. *Radiocarbon*, 59(6), 1809–1833. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2017.108.

Chernykh E.N. (2008). Formation of the Eurasian “Steppe Belt” of Stockbreeding Cultures: Viewed through the Prism of Archaeometallurgy and Radiocarbon Dating. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 35(3), 36–53. DOI: https://doi.org/10.1016/j.aeae.2008.11.003.

Epimakhov A.V. (2020). Radiocarbon arguments for the Abashevo origin of the Sintashta traditions in the Bronze Age. *Ural'skij Istoriceskij vestnik*, 69(4), 55–64. (Rus.). DOI: 10.30759/1728-9718-2020-4(69).

Epimakhov A.V., Tairov A.D. (2020). Between Bronze and Iron Ages (burial ground Shatmantamak I in Bashkortostan). *Povolzhskaya arkheologiya*, 33(3), 171–180. (Rus.). https://doi.org/10.24852/pa2020.3.33.171.180.

Grigoriev S.A. (2016). Problem of chronology and origin of the Alakul culture in light of new excavations in the Southern Urals. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 44–53. (Rus.). DOI: https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-34-3-044-053.

Hanks B.K., Ventresca Miller A., Judd M., Epimakhov A., Razhev D., Privat K. (2018). Bronze Age Diet and Economy: New Stable Isotope Data from the Central Eurasian Steppes (2100–1700 BC). *Journal of Archaeological Science*, 97, 14–25. DOI: https://doi.org/10.1016/j.jas.2018.06.006.

Kuptsova L.V., Mukhametdinov V.I. (2017). Special aspects of Srubna-Andronian cultural interaction in the territory of the Cisural steppe (based on the burial materials). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 22(2), 128–149. (Rus.).

Morgunova N.L. (2009). *Labazovsky burial mound of the Srubnaya culture*. Orenburg: Publishing house of the OGPU. (Rus.).

Morgunova N.L. (2010). *Skvotsovsky burial mound*. Orenburg: Publishing house of the OGPU. (Rus.).

Reimer P., Bard E., Bayliss A., Beck J., Blackwell P., Ramsey C., Buck C., Cheng H., Edwards R., Friedrich M. (2013). IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, 55(4), 1869–1887. DOI: https://doi.org/10.2458/azu_js_rc.55.16947.

Rutto N.G. (2013). *Srubnaya-Alakul communications in the South Urals*. Ufa: Gilem. (Rus.).

Shcherbakov N.B. (2017). *Kazburunovsky archaeological microdistrict of the Late Bronze Age of the Southern Urals: The results of natural scientific research*. Ufa: Inesh. (Rus.).

Shishlina N., Zazovskaya E., van der Plicht J. et al. (2012). Isotopes, plants, and reservoir effects: Case study from the Caspian steppe Bronze Age. *Radiocarbon*, 50(3–4), 749–760. DOI: https://doi.org/10.1017/S0033822200047408.

Tkachev V.V. (2007). Processes of culture genesis on the western periphery of the Alakul area. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, (17), 429-442. (Rus.).

Tkachev V.V. (2020) Radiocarbon chronology of the Sintashta culture sites in the steppe Cis-Urals. *Rossiyskaya arkheologiya*, (2), 31–44. (Rus.). DOI: 10.31857/S086960630009071-7.

Епимахов А.В., https://orcid.org/0000-0002-0141-1026
Таиров А.Д., https://orcid.org/0000-0001-8575-0430
Епимахова М.Г., https://orcid.org/0000-0002-8960-7356

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Accepted: 07.09.2020
Article is published: 27.11.2020